

DOI:10.26104/NNTIK.2022.52.77.046

Абулайти А., Мокеев А.М.

**«БИР АЛКАК – БИР ЖОЛ» ДЕМИЛГЕСИ КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН
ЖАНА КЫТАЙ ЭЛ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН АЗЫРКЫ ЭТАПТАГЫ
ДИПЛОМАТИЯЛЫК МАМИЛЕЛЕРИНИН ИДЕЯЛЫК НЕГИЗИ КАТАРЫ**

Абулайти А., Мокеев А.М.

**ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» КАК ИДЕЙНАЯ
ОСНОВА ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

A. Abulaiti, A. Mokeev

**THE «ONE BELT - ONE ROAD» INITIATIVE AS THE IDEOLOGICAL
BASIS OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN THE KYRGYZ REPUBLIC
AND PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AT THE PRESENT STAGE**

УДК: 940.5:958:327.7

Макалa Кыргыз Республикасы менен Кытай Эл Республикасынын ортосундагы дипломатиялык мамилелердин идеялык негиздерин, аларды өнүктүрүүнүн азыркы этабында талдоого арналган. 2013-жылдын күзүнөн тартып бул Борбордук Азия Республикасы Кытайдын «Бир алкак – бир жол» глобалдык экономикалык демилгесине кошулуп, андан кийин дипломатиялык мамилелердин деңгээли олуттуу өсүүдө. Бул демилге Кытай Эл Республикасынын төрагасы Си Цзиньпин баштаган саясий жетекчилиги тарабынан иштелип чыккан бир катар идеялык концепцияларга негизделген. Атап айтканда, «Бир алкак – бир жол» демилгесин ишке ашырууда Кытай «перифериялык дипломатиянын» жаңыланган концепциясынан келип чыгат, анын негизинде Кыргыз Республикасы менен мамилелер жалпысынан курулат. Ошондой эле Кытай Эл Республикасынын Тышкы саясат курсу азыркы учурда Кытайдын заманбап тышкы жана ички саясатынын идеялык булактары катары кызмат кылган «адамзаттын бирдиктүү тагдыры» жана «Улуу Кытай кыялы» түшүнүктөрүнүн нугунда калыптанууда. Өз кезегинде, алар «Бир алкак – бир жол» долбоору менен тыгыз байланышта, аларды ишке ашыруунун практикалык жагы катары кароого болот.

Негизги сөздөр: эл аралык мамилелер, дипломатиялык байланыштар, демилге, перифериялык дипломатия, жасмаат, адамзаттын тагдыры, улуу Кытай кыялы.

Статья посвящена анализу идейной основы дипломатических отношений между Кыргызской Республикой и КНР на современном этапе их развития. С осени 2013 г. данная центральноазиатская республика присоединяется к Китайской глобальной экономической инициативе «Один пояс-один путь» (ОПОП), после чего уровень дипломатических отношений существенно нарастает. В основе этой инициативы лежит целый ряд идейных концепций, разработанных политическим руководством КНР во главе с председателем Си Цзиньпином. В частности, при реализации ОПОП Китай исходит из обновленной концепции «периферийной дипломатии», на базе которой строятся отношения с Кыргызской Республикой в целом. Также сам курс внешней политики КНР в настоящее время формируется в русле концепций «единой судьбы человечества» и «великой китайской мечты», служащие идейными источниками современной внешней и внутренней политики Китая. В свою очередь, они тесно взаимосвязаны с проектом ОПОП, который можно рассматривать как практическую сторону их реализации.

Ключевые слова: международные отношения, дипломатические связи, инициатива, периферийная дипломатия, сообщество, судьба человечества, великая китайская мечта.

The article is devoted to the analysis of the ideological basis of diplomatic relations between the Kyrgyz Republic and the China at the present stage of their development. Since the autumn of 2013, this Central Asian republic has been joining the Chinese global Belt and Road initiative, after which the level of diplomatic relations has increased significantly. This initiative is based on a number of ideological concepts developed by the political elite of China under the leadership of the President Xi Jinping. In particular, at the course of realization of the Belt and Road initiative, China proceeds from the updated concept of "periphery diplomacy", on the basis of which relations with the Kyrgyz Republic as a whole are built. Also, the general course of China's foreign policy is currently being formed in line with the concepts of "the common destiny of mankind" and the "great Chinese dream", which serve as the ideological sources of China's modern foreign and domestic policy. They are closely interconnected with the Belt and Road initiative, which can be considered as the practical side of their implementation.

Key words: international relations, diplomatic relations, initiative, peripheral diplomacy, community, the fate of humanity, the great Chinese dream.

С началом реализации Китаем в 2013 г. своего глобального экономического проекта «Один пояс – один путь» (ОПОП), его внешнеполитическая стратегия претерпевает значительные изменения, что отразилось также на взаимоотношениях с государствами Центральной Азии, и Кыргызской Республики в том числе. С этого времени кыргызско-китайское сотрудничество существенно углубляется и расширяется, приобретая характер стратегического партнерства [1].

Это было напрямую связано с приходом к власти в начале 2013 г. следующего, пятого поколения китайской политической элиты во главе Си Цзиньпином, который провозгласил обновленный курс во внешней политике КНР. Ключевое место в ней занимает инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП), представляющая собой глобальный проект экономической и политической интеграции под эгидой Пекина.

Новый масштабный проект был представлен миру председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре-октябре 2013 г. во время своей рабочей поездки по странам Центральной и Юго-Восточной Азии. Основным посылом инициативы ОПОП стала необходимость возрождения в современном формате древних торговых маршрутов Великого Шелкового пути в масштабах Евразии. Главное внимание лидером Китая было акцентировано на пяти приоритетных направлениях сотрудничества – постоянном политическом взаимодействии, взаимосвязи транспортной инфраструктуры, бесперебойной торговле, свободном передвижении капитала и сближении народов. Важным моментом в этом стало то, что Китай предлагал реализовывать сотрудничество в рамках проекта ОПОП на основе взаимных уважения, доверия, выгоды и постоянного диалога [2].

Двумя ключевыми компонентами предложенной КНР международной инициативы «Один пояс – один путь» являются «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шёлковый путь XXI века». Первый проект предполагает создание сети из трех сухопутных транспортно-логистических коридоров вдоль всего Евразийского континента, призванных увеличить объемы товаропотоков из Китая в страны Азии и Европы.

Первый, северный, коридор пройдет через Китай в Центральную Азию и далее через Россию в Европу. Второй, центральный, будет вести из КНР в страны Центральной Азии и далее через Иран в страны Ближнего Востока – к портам Восточного Средиземноморья, через которые открывается путь на европейские рынки. Третий, южный, коридор предполагает развитие торгово-экономических путей из Китая через территорию Юго-Восточной Азии в Индию и Шри-Ланку – к крупным глубоководным портам Индийского океана. И уже через их посредство для КНР получает выход на Ближний Восток и Восточную Африку.

Проект «Морской Шёлковый путь XXI века» предполагает создание торгово-экономических маршрутов путем соединения в единую коммуникационно-логистическую систему крупнейших портов Южного Китая, Азиатско-Тихоокеанского региона, акватории Индийского океана с последующим выходом в Средиземноморье [3; 4, с. 70-71; 5, с. 29].

Необходимо учесть, что обе данных компоненты в рамках мега-проекта ОПОП реализуются КНР не в отдельности друг от друга, а в тесной взаимосвязи, сопрягаясь там, где это необходимо. Поэтому главной целью инициативы «Один пояс – один путь» для КНР является создание сложной системы сухопутных и морских транспортно-логистических маршрутов по территории всего Евразийского континента с потенциальным выходом в Африку, Австралию и Океанию, что де-факто делает ее глобальным проектом. Но все

же основной его центр тяжести приходится на трансевразийскую составляющую. По этой причине региону Центральной Азии в нем уделено особое место, как своеобразного «хартленда» (heartland) Евразии, обладающего крайне выгодным географическим и стратегическим положением, позволяющим попасть из него практически во все основные регионы Евразии [6, с. 6-7].

Собственно, по этим причинам Центральная Азия была избрана Си Цзиньпином местом, где он официально презентует мировому сообществу начало реализации Китаем своего нового глобального проекта «Один пояс – один путь» (ОПОП), в первую очередь, его ключевой составляющей – «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП). Аналогичным образом через месяц после того – в октябре 2013 г. Регион Юго-Восточной Азии выступил важнейшей площадкой для официального старта лидером КНР второй главной компоненты ОПОП – «Морского Шёлкового пути XXI века» [7].

Выбор данных регионов для презентации двух важнейших компонент ОПОП в обоих случаях не носил случайный характер. Наоборот, он был хорошо продуман, так как направлен на создание сложной системы водно-наземных транспортных коридоров, позволяющих Пекину в различных их сочетаниях достигнуть главной цели своей глобальной стратегии – получить доступ к необходимым рынкам сбыта своей промышленной продукции и источникам ресурсов для поддержания высоких темпов роста китайской экономики.

По этим причинам в самой КНР реализации инициативы «Один пояс – один путь» придают ключевое значение, вследствие чего она была официально внесена в Устав КПК и фактически является основополагающим документом в выстраивании внешнеполитических отношений современного Китая [8, с. 38]. Поскольку от сроков и интенсивности претворения ее в жизнь во многом зависит осуществление другой масштабной доктрины «китайской мечты», направленной, прежде всего, на повышение благосостояние и уровня жизни населения страны. А это в свою очередь подразумевает построение сильного и развитого высокотехнологичного государства и общества в КНР, что фактически невозможно без поддержания постоянного и поступательного роста экономики данной страны [1]. Поэтому выход к важнейшим ресурсным базам и ключевым рынкам Евразии, а в перспективе вне ее пределов – является для современного Китая жизненно необходимым [9, с. 111-112].

Важнейшим отражением новых политических трендов стало формулирование и презентация новым председателем КНР концепции «великой китайской мечты» («великой азиатской мечты»), главной целью которой является «превращение Китая в богатое

и сильное государство» [10; 11]. В практическом плане это означает превращение Китая в одну из держав мирового уровня в рамках поддерживаемого Пекином перехода в ближайшей перспективе к многополярной системе мироустройства. Именно с этой ключевой целью КПК увязывается реализация инициативы ОПОП, последовательная и успешная реализация которой должна идти рука об руку с достижением «китайской мечты». В рамках последней политическим руководством КНР ставятся «две цели столетия» – достичь к 2021 г., к 100-летию образования КПК, состояния среднезажиточного общества «сяокан» (что в принципе было достигнуто, несмотря на пандемию COVID-19) и к 2049 г. – «возрождения Китая», что предполагает его трансформацию к этому моменту в сильное, развитое и современное государство [12; 13, с. 74].

С учетом этого современное политическое руководство КНР придает инициативе ОПОП первостепенное значение во внешнеполитическом курсе государства, так как не скрывает того, что главной целью его последовательной реализации является укрепление позиций Китая в качестве державы глобального уровня, что повышает возможности продвижения своих национальных интересов во всей Евразии и за ее пределами. Очевидным плюсом китайского глобального проекта является то, что он предполагает стимулирование экономического развития стран, присоединившихся к нему на основе стратегии взаимного развития. Это фактически создает обновленную модель международного сотрудничества по всему Евразийскому континенту, в рамках которой возникают новые экономические связи и происходят заметные геополитические сдвиги.

На пути воплощения в жизнь Пекином инициатива ОПОП претерпевает внутреннюю эволюцию и приобретает все более конкретные черты хорошо продуманную глобальную стратегию с учетом тонкого геополитического баланса и критического осмысления главных событий, происходящих в мире. Представляя собой мега-проект, рассчитанный на соединение КНР с Европой и Африкой при помощи масштабных и стабильно действующих трансевразийских транспортно-коммуникационных коридоров, требует от КНР огромных усилий по развитию геополитических и геоэкономических отношений континентального масштаба, которые направлены на улучшение координации внешней политики в региональном измерении.

С учетом последнего фактора, ОПОП хоть и представляет собой глобальный интеграционный проект, прежде всего, разрабатывался Пекином как стратегия «периферийной дипломатии», рассчитанная на углубление экономических и политических связей между КНР и соседними государствами на ре-

гиональном уровне [14, р. 21-37; 15, с. 55-60]. Не случайно, в 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что КНР прилагает усилия к формированию обновленной периферийной политики, которая бы была основана на дружбе, искренности и взаимной выгоде [16, с. 301].

В том же 2014 г. на четвертом саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) Си Цзиньпин особо отмечает, что «развитие является основой безопасности, а безопасность – предварительным условием развития. Для большинства азиатских стран развитие имеет чрезвычайно важное значение для безопасности и является ключевым фактором региональной безопасности... [Азия должна] улучшить качество жизни людей и сокращать разрыв в уровне благосостояния с тем, чтобы укрепить основы безопасности» [17, с. 104-105; 18, с. 33-36].

Фактически происходит заметное переосмысление геополитических подходов к дальнейшему развитию взаимоотношений Китая с соседними регионами Евразийского континента. Причем, в китайском понимании современной регионализации данного континента Центральная Азия выступает как важнейшее связующее звено на пути реализации основного из двух главных компонент в инициативе ОПОП – «Экономическом поясе Шелкового пути» (ЭПШП) [19, с. 138-146]. Последний проект, как отмечалось выше, ставит своей главной целью соединить Поднебесную через Центральную Азию с другими регионами Евразии вплоть до стран Западной Европы, где располагаются крайне перспективные для китайской экономики рынки сбыта. С этой целью страны, наиболее важные для развития ЭПШП, были разделены на категории:

1. Государства Центральной Азии
2. Государства приграничных с Центральной Азией регионов
3. Государства Западной Европы и Африки [19, с. 138-146; 20, с. 164-181].

Подобный обновленный подход политического руководства КНР к пониманию концепции «нового регионализма» в рамках Евразийского континента. Он включает в себя более глубокое идейное наполнение и определяется больше как инклюзивная функциональная интеграция, нежели территориальная. Другими словами, региональное сотрудничество в рамках ЭПШП видится как способ укрепления взаимосвязей Китая с внешним миром и возможностей получения больших выгод для быстрорастущей экономики КНР на современном этапе глобализации путем создания грандиозной по своим масштабам системы экономически взаимовыгодных экономических взаимосвязей со странами, присоединившимися к инициативе ОПОП [16, с. 301]. Причем, как хорошо видно из

самого категориального разделения государств в русле концепции «нового регионализма» в Китае, региону Центральной Азии отводится первостепенное значение для успешного продвижения проекта ЭПШП.

Уже на начальном этапе реализации ОПОП данный проект дал ощутимые результаты в возможностях расширения взаимосвязей Китая с соседними государствами. Поэтому начинается переосмысление Пекином всей своей внешнеполитической стратегии в Азии, в том числе регионального подхода к государствам Центральной Азии в рамках модели «Экономическом поясе Шелкового пути» (ЭПШП). Так как без установления прочных и долгосрочных отношений с ними ставило под сомнение не только темпы реализации этого проекта, но и возможности этого в целом, что совершенно не отвечало насущным интересам самого Китая. Это обстоятельство приводит к выработке серьезной идейной основы, направленной на успешное воплощение в реальность глобальной стратегии ОПОП. Ею становится концепция «*сообщества единой судьбы человечества*», которая была выдвинута и неоднократно представлялась лидером КНР Си Цзиньпином мировому сообществу [21, с. 7-13].

В данной концепции обосновывается необходимость построения качественно новых взаимоотношений между государствами, присоединившимися к инициативе ОПОП, на основе «доброжелательности, искренности, взаимовыгодности и инклюзивности». Для этого необходимо не только создание мирной и дружественной среды с соседними государствами на периферии Китая, но и также развитие активного сотрудничества в различных сферах, направленного на взаимный рост и получение равных выгод. Кроме того, в рамках концепции «сообщества единой судьбы» важное внимание уделяется идее «совместного существования различных цивилизаций» [22], фактически она отражает стремление современного Китая к построению многополярного мира, в котором он мог бы по праву стать одним из цивилизационных центров мировой геополитики. В то же время данная концепция фактически очерчивала комплементарное пространство, в рамках которого государства, поддержавшие инициативу ОПОП, будут готовы к развитию с Китаем тесных долгосрочных и многоплановых отношений. Фактически рассматриваемая концепция представляет собой китайское видение современной глобализации, в которой КНР хочет и готова принять самое активное, во многом даже направляющее участие [13, с. 74-75].

В практическом плане концепция «*сообщества единой судьбы человечества*» предполагает создать кардинально новую политическую атмосферу в международных отношениях для того, чтобы достичь долговременного состояния мира в глобальном отноше-

нии и способствовать созданию гармоничного регионального климата. Последнее предполагает дальнейшее последующее расширение сфер международного сотрудничества, особенно региональной экономической интеграции, что позитивно скажется на общем развитии Китая и других стран. В свою очередь, КНР для ускорения процессов совместного развития и процветания на основе сердечности и гуманности готова оказывать помощь, в том числе финансовую, чтобы содействовать формированию механизмов достижения данных целей.

Перечисленные выше практические шаги достижения «сообщества единой судьбы» в полной мере увязываются со стратегией ОПОП, которая носит более практический характер. В контексте последней Китай стремится развивать взаимоотношения с другими государствами, поддержавшими ее, в пяти ключевых направлениях: поддержании общей политической координации, расширении торговых отношений, создании общей инфраструктуры, свободном передвижении капитала, расширении культурных и гуманитарных взаимосвязей [23, с. 8-12].

Однако к 2017 г. в среде политического руководства КНР происходит объективное осознание того, что, несмотря на очевидный успех китайской дипломатии в продвижении и реализации стратегии «Одного пояса – одного пути», все же сразу привлечь к ее реализации большую часть стан мира практически нереально. Поэтому с учетом этого происходит некоторая корректировка инициативы ОПОП в соответствии с реалиями, основной акцент в воплощении данной инициативы вполне прагматично решено было сделать на развитии все еще отстающих от основной части страны западных и северо-западных районов Китая, которые также в ее рамках традиционно рассматривались в качестве «ворот на запад» [13, с. 71]. Что в контексте идеи выхода во «внешний мир», т.е. за пределы собственно Китая, воспринималось как возможность экономического броска в Европу и западные регионы Азии кратчайшим путем.

В этом плане особое значение приобретает один из наиболее важных проектов в рамках стратегии ОПОП – «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). В его рамках предлагается дальнейшее усиление взаимосвязей Китая и государств Центральной Азии по отмеченным выше пяти ключевым направлениям. Фактически это означало, что внешнеполитическая линия КНР в Центральноазиатском регионе в заметной мере обновлялась и интенсифицировалась. Важную роль в этом играет также то, что он продолжает в китайском политическом видении восприниматься в качестве важнейшего фактора сохранения стабильности и мира в соседних северо-западных районах самого Китая (СУАР). Это накладывает на Пекин необходимость прикладывать значительные

усилия в обеспечении безопасности в сопредельных государствах Центральной Азии, важнейшим инструментом для китайской внешней политики в этом отношении выступает ШОС.

Сохранение безопасной среды в Центральной Азии и сопредельном Синьцзяне выступает главным условием успешной реализации Пекином проекта «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), с чем в КНР связывается, как отмечалось выше, достижение стратегических целей «великой китайской мечты» и «сообщества единой судьбы человечества» как содержания внутренней и внешней политики современного Китая. Кроме того, сам Центрально-азиатский регион рассматривается при этом как своеобразная первичная база, через территорию которой Китай совершит свой прыжок в рамках политики «продвижения на запад» – в другие регионы Евразии и Африки [3; 4, с. 67-81]. Поэтому Пекин стремится именно через данный регион проложить масштабные транспортно-логистические коридоры, которые должны обеспечить крупные и бесперебойные потоки китайских промышленных товаров на рынки Ближнего Востока и Западной Европы и необходимых для экономики Китая ресурсов и сырья в обратном направлении, причем, в значительной степени – из самой Центральной Азии.

Собственно, этим продиктовано активное привлечение Пекином больших инвестиционных и кредитно-грантовых потоков в Центральную Азию, включая Кыргызстан, на развитие дорожно-транспортной инфраструктуры, особенно строительство и реабилитация стратегически важных автодорожных магистралей и лоббирование прокладки новых масштабных железных дорог (в частности, «Китай – Кыргызстан – Узбекистан»), которые объединяются с транспортной системой КНР. С тесной взаимосвязи с этим Китай участвует в крупных инфраструктурных проектах в области энергетики, особенно в запуске новых газопроводов, которые также становятся важным звеном в общей транспортно-логистической сети со странами Центральной Азии. Все это сопровождается дальнейшим расширением сотрудничества в области совместного освоения месторождений полезных ископаемых, открытия промышленных объектов и укрепления взаимной торговли, в том числе в поставках китайских промышленных товаров за пределы региона [24, с. 288-290]. Сопутствующим фактором стало дальнейшее углубление культурно-гуманитарного взаимодействия КНР и государств Центральной Азии как сопутствующего условия успешной реализации в нем инициативы ОПОП [25, с. 42].

В связи с активизацией китайской дипломатии на центральноазиатском направлении в рамках ОПОП Кыргызская Республика оказывается вовлечена в процессы обновления отношений КНР с государ-

ствами региона. Более того, значительная часть совместных промышленных и инфраструктурных проектов реализовывается или планируется реализовать непосредственно на территории Кыргызстана [26, с. 239-244]. Это достигается, прежде всего, за счет интенсивных и многоплановых двусторонних и многосторонних дипломатических связей между двумя государствами. Притом, самой Кыргызской Республики в рамках Центральной Азии в контексте реализации инициативы ОПОП отводилась заметная роль. Это хорошо прослеживается, если взять во внимание тот факт, что практически одновременно с поддержкой данного глобального проекта данной республикой ее отношения с КНР выходят на качественно новый, стратегический уровень [1]. Это послужило дополнительным стимулирующим фактором в развитии двусторонних кыргызско-китайских дипломатических контактов на современном этапе. Поскольку наряду с расширяющимся стратегическим партнерством КНР и Кыргызской Республики происходит дальнейшее расширение и углубление их сотрудничества практически по всем направлениям.

В то же время идейная основа внешней политики КНР в Центральной Азии не находится в статичном состоянии. Поэтому частичный пересмотр и уточнение общих подходов к реализации своей внешнеполитической деятельности в рамках ОПОП в 2017 г., о чем упоминалось выше, привел также к некоторым изменениям в дипломатических отношениях с Кыргызской Республикой. Сохраняя решение основных вопросов, связанных с политической, торгово-экономической и инвестиционной составляющей в русле двусторонних взаимоотношений, Пекин в то же время пересматривает многосторонний формат сотрудничества с центральноазиатскими государствами.

Причина этого лежит в том, что КНР предпочитает выстраивать отношения с отдельными регионами Евразии в контексте многостороннего сотрудничества, что помогает Пекину сравнительно быстро добиваться успеха в дипломатическом плане. Так как принятие политических решений в этом плане осуществляется на коллективной основе, а затем по привычной для Китая манере переносится на двусторонний уровень с государствами данного региона для более детального уточнения и реализации с учетом специфики конкретной страны. Подобный формат дипломатических взаимоотношений позволяет в значительной мере их ускорить и интенсифицировать, что в значительной мере отвечает запросам Китая в связи с замедлением реализации глобального проекта ОПОП к 2015-2016 г.

Традиционный многосторонний формат Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в этом плане не давал желаемых Китаю результатов. Так как в его рамках Пекин был ориентирован на углубление

торгово-экономического сотрудничества наряду с выстраиванием системы коллективной безопасности в Центральной Азии и борьбой с важнейшими угрозами ей. Но так как именно первое направления сотрудничества в ШОС продолжает пробуксовывать, несмотря на достижение важных договоренностей о сопряжении двух главных экономических проектов в регионе – ОПОП и ЕАЭС, желаемых результатов это Пекину не принесло. Это заставило политическое руководство КНР искать новые форматы коллективного сотрудничества с участием государств Центральной Азии в торговой-экономической и инвестиционной сферах, но при сохранении ключевых позиций в ШОС, так как само сохранение стабильности и безопасной среды в Центральной Азии является важной основой для реализации ОПОП.

Новым многосторонним форматом сотрудничества для Пекина и государств данного региона становится «Центральная Азия – Китай» (C5 + C), запущенный по инициативе китайской стороны в июле 2020г., несмотря на сложные эпидемиологические условия как в КНР, так и странах Центральной Азии [27; 28]. Вполне закономерно, что Кыргызская Республика присоединилась к новому формату, так как это открывает для нее новый канал многостороннего партнерства с КНР, с которой она активно выстраивает сотрудничество по линии ОПОП.

Впрочем, новый формат «Центральная Азия – Китай» (C5 + C) ориентирован не только на достижение договоренностей между государствами региона и КНР в области торгового-экономического и инвестиционного взаимодействия, в повестке его работы также получают отражение вопросы, связанные с безопасностью в Центральной Азии. Но обсуждаются они преимущественно в контексте поддержания стабильности и мира в данном регионе как важнейшего условия партнерства по этим двум направлениям сотрудничества.

Фактически это означает, что Китаем был инициирован и активно продвигается качественно новый коллективный формат сотрудничества с государствами региона, созданный исключительно для ускорения реализации своего мега-проекта ОПОП. Составит ли он китайскую альтернативу ШОС или же станет параллельной ей многосторонней политической площадкой, направленной на решение преимущественно общих торгового-экономических вопросов в отличие от первой региональной структуры, покажет уже ближайшая перспектива. А пока можно констатировать, что Пекин начал наращивать свое не только экономическое, но и политическое присутствие в регионе Центральной Азии, стимулируя здесь создание качественно новых форматов дипломатического взаимодействия, ориентированных на диалог исключительно с государствами данного региона.

Литература:

1. Гарбузарова Е.Г. «Стратегическое партнерство» Кыргызстана и Китая в экономической сфере: перспективы и риски // Universum. Общественные науки: электрон. научн. журн. 2018. № 4(45). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/5747>
2. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст) [Электронный ресурс]. URL: http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t10771_92.htm
3. Виноградов А. Что такое проект «Один пояс, один путь» и каковы перспективы его «сопряжения» с Евразийским союзом. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sonar2050.org/publications/chto-takoe-kitayskiy-proekt-odin-poyas-odin-put-i-perspektivy-ego-sopryajeniya-s-rossijskim-proekt/>;
4. Скриба А.С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 3. – С. 67-81.
5. Абдынасыров У.Т. Влияние интеграции Кыргызской Республики в Евразийский экономический союз и «Экономический пояс Великого шелкового пути» на развитие экономики // Вестник Южноуральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент». 2017. Т. 11. № 3. - С. 28-34.
6. Абулаити А. Динамика развития дипломатических отношений между КНР и Кыргызской Республикой в рамках реализации инициативы «Один пояс – один путь» (2013-2018 годы). // Международный журнал экспериментального образования. 2021. № 3. – С. 6-12.
7. 日电 推进“一带一路”建设工作领导小组办公室22日发表《共建“一带一路”倡议：进展、贡献与展望》报告 (Офис Инициативной группы по содействию строительству «Одного пояса, одного пути» опубликовал 22 апреля отчет о «Совместном строительстве инициативы «Один пояс, один путь»: прогресс, вклад и перспективы») // Информационное агентство Синьхуа). [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-04/22/c1124400_071.htm
8. Иманалиев М.С., Джоробекова А.Э. Концептуальные основы взаимоотношений Кыргызстана и Китая в свете инициативы Си Цзиньпина о совместном строительстве «Экономического пояса Шелкового пути» // Вестник Томского госуниверситета. История. 2018. № 52. – С. 38-42.
9. Сыроежкин К.В. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций. 2016. № 6. Т.9. - С. 104-122.
10. 中国梦，人民的梦 -- 国家主席习近平在十二届全国人大一次会议闭幕会上的讲话 (Китайская мечта, мечта народа. Выступление Си Цзиньпина на заключительном заседании ВСНП 12-го созыва). URL: <http://lianghui.people.com.cn/2013npc/n/2013/0317/c357183-20816399.html>
11. Сухадольская Л.Л. «Китайская мечта» и новая дипломатия Китая // Общество и государство в Китае. Т. 46. № 1. 2016. – С. 363-370.
12. “一带一路” 2.0: 中国引领下的丝路新格局 林毅夫, 杭州, 浙江大学出版社 («Один пояс, один путь» 2.0. Китай в условиях новой структуры шелкового пути / Под ред. Линь Ифу). Хуанчжоу: Чжэцзян дасюэчубаньшэ, 2018. – 150 с.
13. Лю Ижу, Авдокушин Е.Ф. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 - стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая // Мир новой экономики. 2019. Т. 13. № 1. - С. 67-76.
14. Gallelli B., Heinrich P. Building a Community of Shared Destiny. The Belt and Road Initiative in the Political Speeches

- of Xi Jinping // *China's new Silk Road. An Emerging World Order*. London: Routledge, 2019. – P. 21-37.
15. Песцов С. Регионализм в интерпретации Китая: эволюция теоретических взглядов и практической политики // *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. Т. 18. 2018. – С. 36-64.
  16. Борох О.Н. Эволюция трактовки китайского пути развития в период правления Си Цзиньпина // *Социально-политическая ситуация накануне XIX съезда КПК*. М.: ИДВ РАН, 2017. – С.301-312.
  17. Песцов С.К. Регионализм и новая периферийная политика Китая // *Мировая политика*. 2017. № 3. – С. 103-118.
  18. Забелла А.Л., Каткова Е.Ю. Об особенностях периферийной дипломатии КНР и отношениях со странами АСЕАН // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2020. № 1(46). – С. 29-44.
  19. Лян Чжэньпэн. Китайская периферийная дипломатия и её практика в регионе Центральной Азии // *Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации*. Владивосток, 2018. – С. 138-148.
  20. Hu A., Ma W., Yan Y. Connotation, Orientation and Path of the One Belt – One Road Initiative // *Looking for A Road. China Debates Its and the World's Future*. Leiden; Boston: Brill, 2016. – P. 164-181.
  21. Верченко А.Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2020. № 1. – С. 7-13.
  22. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm
  23. Островский А.В. Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» как путь к международному экономическому сотрудничеству // *Азия и Африка сегодня*. 2016. №2. – С. 8-12.
  24. Абубакирова Д.Б. Интересы Китая в Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс – один путь» // *Постсоветские исследования*. 2021. Т.4. № 4. – С. 285-295.
  25. Хейфец Б.А. Экономический пояс Шелкового пути – новая модель привлекательного экономического партнерства для ЕАЭС // *Проблемы Дальнего Востока*. 2016. № 5. – С. 39-49.
  26. Омурова Ж.О. Сотрудничество Кыргызской Республики с Китайской Народной Республикой в рамках проекта «Один пояс – один путь» // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2019. Т. 24. № 5. – С. 236-249.
  27. Ботьбот И. Новая форма регионального диалога Центральной Азии и Китая. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2020-07-22--novaja-forma-regionalnogo-dialoga-centralnoj-azii-i-kitaja-50066>;
  28. Еще один +С5? // ИАЦ МГУ. [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/publications/eshche-odin-s5/>
  29. Алафате Абулайти Интересы Китайской Народной Республики в Кыргызской Республике и их эволюция в течение 1992-2020 годов. / *Известия ВУЗов Кыргызстана*. 2021. №.2. С. 175-180.
  30. Кудаяр кызы Н. Кыргызско-Китайские отношения в рамках проекта «Один пояс – Один путь». / *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. 2022. №. 1. С. 196-199.
  31. Дашуай У., Умарова М. Экономическое сотрудничество между Китаем и Кыргызстаном в рамках проекта «Один пояс - Один путь»: состояние и перспективы. / *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. 2022. №. 1. С. 96-102.